

Эстерис Э

А роза упала на
лапу Азора

Эдуард Эстерис

А роза упала на лапу Азора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28675245

SelfPub; 2018

Аннотация

Странички сетевого дневника. 2010 год. Женщина и наука, женщина и время. Эротика, житейская философия, чуть-чуть кулинарии.

Содержит нецензурную брань.

Алек, это тебе.

*Из не существующего
более дневника. Послать по
e-mail - навязчивость. А мою
страничку ты знаешь.*

7 ноября

Утром вышла в магазин. Черный мокрый асфальт, черные стволы лип и кленов, бурые газоны, липкий холодный воздух. Мелкая морось садится на лицо. Небо низкое, кажется, лежит прямо на крышах многоэтажек расплзшейся серой массой.

Возле магазина ошиваются дикие собаки. Волки, уменьшенные раза в два – полтора. И даже хвосты не колечком, а опущены вниз. Спокойно так смотрят. Ничего не выпрашивают. На мусорках найдут. Полно некачественных продуктов. Или крыс наловят. Гордые. А живут возле человека. До тех пор, пока не явятся ловцы. И я такая. Воображаю себя волчицей свободной. А зарплату получаю из госбюджета. Содержит меня государство. Зачем, оно и само не знает. Наука – вещь непредсказуемая. Тем более, такая, как моя. В молодости было какое-то чувство неловкости. Ровесники на стройки века едут, а я смотрю в микроскоп, выращиваю... И даже не возбудителей особо опасных инфекций, а самые обыкновенные дрожжи. Пекарские. Которые живут в тесте.

Потом пришло не то чтобы понимание, а некое самооправдание. Наука и искусство никому ничего не должны. Они просто есть. Иногда приносят полезные плоды, иногда просто красивые цветы и листья. Бывает, и чертополох вырастет, а не то белена ядовитая. А иногда побеги высыхают, не успев дать цветов. Требовать от науки сиюминутных технических новшеств – это примерно как предполагать, что литература должна только лишь поучать и воспитывать.

14 ноября

Купила на рынке живого карпа. Не слишком люблю готовить, хотя микробиолог сродни повару. Питательные среды, перемешивание, желе агар-агара. Но иногда на меня накатывает. И вечером должен прийти Алек.

Рыба всю дорогу била хвостом в пакете. Первым делом отрубила ножом огромную скользкую голову с коротенькими усиками. Голое тело, всего несколько чешуек у спинного плавника, продолжало содрогаться, вся раковина оказалась в темной густой крови. Даже лишенное внутренностей и жабр продолжало трепыхаться. Не без труда завернула будущий деликатес в фольгу, чтобы запечь с грибами и луком.

Забавно устроена сфера эмоций: когда жарю курицу или котлету, никакой ассоциации с курочкой Рябой или Ниф-Нифом и Наф-Нафом. Когда обрабатываю клетки своих любимых дрожжей ферментами, чтобы удалить с них прочную

стенку, кожу заживо с них сдираю, тоже ничего. А ведь я люблю их, свои дрожжи. Не так, конечно, как любят собак или кошек. Скорее, как художник любит свои краски и только-только задуманные полотна.

Вряд ли смогу описать те эмоции, которые возникают, когда ждешь результата интересного эксперимента, когда ты задал им, дрожжам, умелый вопрос, и от того, как они ответят, зависит, верна ли твоя гипотеза. Ощущение совершенно отчетливо похоже на сексуальное предвкушение, только нервные импульсы чисто на уровне головы. А когда вдруг оказывается, что угадал, что ответ согласуется с ожидаемым... Это и вовсе кайф не с чем не сравнимый. Где-то встречалось выражение «краткий миг торжества», именно в применении к такому моменту. Потом, когда эйфория спадет, понимаешь, что крупица знания очень и очень мала, а море непознанного все также плещется у ног.

Запах из духовки заставил оторваться от блога, куда складываю неумытые мысли. Ибо что есть блог, как не философское болотце, в котором топятя остатки мечтательности. Скорее выключаю духовку, а не то от рыбы останутся одни третичные амины.

Сердитый звонок в дверь. Почему сердитый? Потому что кнопка западает, все недосуг поменять. И когда гость не в духе, он нажимает сразу несколько раз подряд, на автомате. Алек.

Улыбочка такая, что сразу ясно: зол он как черт. Мог бы

и не приходиться.

– А я карпа запекла, – пытаюсь сделать вид, что не замечаю его настроения. Потому что лезть к нему с утешительными расспросами – себе дороже. Захочет, сам расскажет.

– Не люблю рыбу. И вообще, я тебе не поесть прихожу.

– Ладно, что случилось то?

– Ничего. Последний опыт дал совершенно идиотский неоднозначный ответ. Два месяца генетические конструкции делал, а целевой белок пошел не в ту степь. Из редакции такая рецензия пришла, с отказом, что без поллитры не разберешь. Рецензент вообще ничего в статье не понял.

– Поллитра не поллитра, а вина чуть-чуть есть. И лучшая рыба – колбаса.

Мы выпили. Потом выпили еще. Потом съели рыбу. Потом Алек пошел в коридор и долго говорил по телефону. Я не прислушивалась, но ...

–Мамочка. Не беспокойся, пожалуйста. Неожиданный ночной эксперимент. Да... у нас тут все есть, и чай, и раскладушка.

Долгое молчание... видимо, слушал, ... резкое:

– Все, все, извини! Таймер!

Да... я подозревала что-то в таком роде. Но отчего-то не хотелось знать, как у него дома. В своей лаборатории про каждого знаешь чуть не до подноготной. Долгая совместная работа не то чтобы сближает, а не оставляет тайн. И как это иногда напрягает... Знать о человеке все и не иметь возмож-

ности помочь.

А он вернулся и спросил:

– Спирт есть?

Спирт был.

– Дааа... тебе смешно. Да вижу, вижу, что смешно. Маленька, как в старых романах... она.... ... когда в Штатах жил, звонил ей раз в месяц, и ничего. А тут... Все ее старые заморочки... Не ту профессию выбрал... Твои сверстники зарабатывают по сто тысяч... Не такую машину купил... А то отвернется к стене и лежит по целому дню... Блядь, я все понимаю... она меня в сорок родила, одна...

А ведь он не хотел, никогда ни на минуту не хотел, чтобы я увидела его слабым. Слабость – моя привилегия. И после этого мы выпили еще и допились до песен про Магадан и кузнечика коленками назад. Никогда не понимала, что интеллигентствующие научники находят в этой блатняжке. Призрак свободы? Но пою. Без слуха и голоса.

Когда мы, наконец, добрались до дивана, пороху хватило только на то, чтобы раздеться и забраться под одеяло.

– Ссслушай.... Я такой пьяный, что ничего не могу... – прошипел Алек, отворачиваясь. – Давай спааать. И зевнул.

– Я тоже...

Странно, утром мы не чувствовали ни досады, ни неловкости. Черт возьми, а ведь мы могли бы жить вместе... Почему... ну почему...

15 ноября

Спирт – все-таки вещь. Похмелья и нет почти. Только вместо того, чтобы дописывать поднадоевшую статью, сижу и занимаюсь самым глупым делом на свете – вспоминаю.

Наша наука – островки в океане, часто ничем не связанные между собой. А материк далеко за гладью волн. Оттуда приходит всё и туда уходит. Узкая область, и связь с зарубежными коллегами-конкурентами теснее, чем с соседней лабораторией. С ними идет переписка, их цитируешь, а они – иногда, хоть и реже, тебя. Взаимное рецензирование статей. Беда нашей родной науки не только в бедности, старости, и плохой оснащённости. Беда в том, что острова слишком малы и разобщены, и не создается единая ткань общения, постоянного обмена идеями, новостями, сомнениями. Таёт критическая масса. Ведь современная наука давно не удел одиночек. Чтобы сделать стоящие вещи, нужны усилия коллективов.

И все-таки острова не хотят превращаться в пустыню, хоть и набегают на них все новые и новые цунами бюрократизма, недоверия со стороны власти (ладно хоть пока не разгоняют), старости. Старость – самая большая беда. Когда-то молодые активные сотрудницы потеряли здоровье, ничего не читают, а мужики некоторые спились. Самые сильные давно пересекли океан. Я не жалею. Наука едина, и если там они вносят вклад в общее информационное поле и счастливы от

востребованности и возможностей – пусть. А для меня уже поздно.

Весной у меня созрела одна недурная идея. Чтобы ее проверить, нужны были генетические конструкции. А у нас ни средств, ни умений. И тут мне сказали:

– Да позвони ты в институт N, там в лабораторию Деда вернулся парень из США, поговори. Дед – живой классик, у него в лабе еще теплится жизнь.

И я договорилась и пришла в гости.

– Здравствуйте, вы – Алексей Петрович? Я звонила вам по поводу возможной совместной работы.

– Добрый день, Вероника Васильевна, рад вас видеть, – встал он из-за стола мне навстречу. Темный ежик волос, небольшие усы, довольны высокого роста. Сколько ему может быть лет? Наверное, где-то чуть больше тридцати. И тут он улыбнулся:

– Давай лучше просто Алексей, если не возражаешь, можно Алек и на «ты».

Понятное дело человек недавно из Америки, там не приняты наши китайские церемонии, и студенты к профессору обращаются в лаборатории просто по имени.

– Нет проблем, на «ты», Ника или Ник, а Веронику Васильевну оставим студентам и аспирантам.

В конце концов, не настолько я его и старше, по крайней мере, мои сотрудницы шутят, что я как зимняя вишня в холодильнике. И свою старейшую сотрудницу, у которой дела-

ла диплом, зову просто Татьяной. Ник... Привыкла давно, еще со времен аспирантуры. Подумаешь, молодые присвоили мне прозвище, Никвас-нипиво, почти ни рыба ни мясо. Это потому, что на праздничных посиделках сок предпочитаю. Алкоголь меня быстро приводит не в то состояние, в котором хочу показываться перед коллегами. Впрочем, они относятся ко мне по-доброму, хотя, знаю, хихикают потом втихомолку, когда пытаюсь напустить на себя строгий вид и устроить им головомойку.

Мы принялись обсуждать возникающие возможности и трудности. Видно было, что задача показалась моему собеседнику интересной. Довольно быстро пришли к мнению, каковы должны быть первые шаги, сколько следовало бы заплатить молодым сотрудникам, которые непосредственно будут делать конструкции.

По ходу разговора, Алек обращался к своему ноутбуку и находил в сети те или иные ссылки или статьи.

«Какие у него красивые руки» – невольно залюбовалась я. Длинные, ровные пальцы. Представилось, как элегантно эти пальцы держат автоматическую пипетку. И не только. Они могли бы быть руками музыканта, как ни банально это звучит. А дальше представилось уже и совсем непристойное. И вылезла фраза из недавно читанного романа: «Игра на флейте приличествует юношам высоких родов.»

– Извини, я несколько потеряла нить твоих рассуждений. Все-таки ваш генноинженерный язык поход на птичий, –

попытался я за шуткой спрятать смущение, возникшее так некстати.

– Ничего, это мы можем обсудить и позже. Извини, – меня Дед через пару минут ждет. До встречи, звони.

«Уф» – вздохнула я, покинув комнату. «Чего не почувдился после такого мозгового штурма.» А почувдилось, что Алек при прощании смотрел на меня чуть внимательнее, чем просто на будущую участницу совместной работы.

28 ноября

Вчера утром Алек вернулся из Питера. Ездил на два дня, по работе. А сегодня в новостях – крушение «Невского экспресса». Совершенно кошмарная смесь ощущений, ужаса и тайной струйки облегчения... не с моими близкими, с другими... повезло... повезло на этот раз. И стыд от этого чувства.

И все-таки, эти катастрофы (а они не только у нас, и даже в куда более продвинутых технологически и организационно странах) кажутся знаком того, что человек не справляется со скоростями, сложностью техники, трудно контролируемые мелкими обстоятельствами. И бессилие тех, кто оказывается в эпицентре, сравнимо с тем, которое испытывали при последнем дне Помпеи. Техника становится стихией. Даже специалисты не имеют возможности контролировать ее всецело.

Булка в коллайдере, заклинившая контакт, в чем-то символична. Комедия. А где-то пьяный летчик губит себя и пассажиров. А про дороги даже страшно говорить. Едешь – и то по одну сторону, то по другую – венки. Предостерегут ли? Что только не лезет в голову...

День бросовый. Алек не придет. Позвонил, сказал, что устал. Но думаю, дело не в этом. На него тоже подействовало. В таком настроении встречаться для того, для чего мы это делаем – нонсенс.

Сижу, читаю Мари Рено, «Последние капли вина». Давно, чуть ли не со школьных лет не читала исторических романов. Но этот не для школьников, хотя и написан более чем целомудренно. Но каков мир... Жестокость рабства во всей красе. Новорожденные, которых выбрасывают из дому на гибель только потому, что отцу показалось, что младенец не слишком здоров, или родилась девочка. Постоянное состояние войны. И одновременно удивительно красивые и благородные отношения между любящими друзьями – мужчинами. И философы, занимающиеся бегом или борьбой. И, главное, люди совершенно не обременены вещами, хотя и ценят их, хотя доспех или красивый кубок передаются от отца к сыну. Вещь остается вещью, и не более. Странно, что сегодня, когда вещей столь много, и они дешевы и непрочны, мы так зависимы от них. Боже мой... Сижу, философствую... А там... среди мокрого черного поля... Опознание...

29 ноября

Есть ли что вспомнить...

Середина сентября. Мы таки решили делать совместный проект. Времени мало, на работе куча дел.

– О, Мария Ивановна идет, вопрос несет! – весело возглашаю я, чтобы спрятать досаду на то, что нашу с Алеком дискуссию опять прерывают. Он хмурится и прикусывает кожицу возле ногтя. Почему-то эта не слишком красивая и явно детская привычка меня не раздражает, наоборот. Делает этого сильного, всегда держащегося уверенно человека ближе.

Решаем вопрос Марии Ивановны. Только она уходит, бежит аспирантка Любочка:

– Вероника Васильевна, рН-метр сломался, показывает одну и ту же цифру, какой раствор ни поставь!

Ну конечно, я и начальница, и завхоз, и почини-найди-достань. Между прочим, кое-что умею, не только бумаги сочинять и гвозди забивать. И дома много чего могу, и мелкий ремонт, и по сантехнике, и розетку заменить или выключатель. С детства так вышло. Отец у меня учитель математики, книгочей, умница, а руки не слишком умелые. А мне нравилось, так я все возле дяди Миши крутилась, он своих мальчишек учил, и меня заодно.

– Алек, извини, я сейчас...

Приходится идти, возиться, выяснять, что случилось с электродом.

Убеждаю Людочку пойти в соседнюю комнату, попроситься поработать там, а я потом разберусь. Ей не хочется, там работает очень серьезная, можно сказать, сварливая дама. Ругаться не будет, даже разрешит. Но станет так поджигать губы и смотреть как на врага народа, настроение сразу рухнет.

Потом звонят из планового отдела, потом из канцелярии, потом...

Я сдаюсь и прошу Алека:

– Знаешь, мы так ничего не сделаем. Пойдем лучше ко мне.

А рабочий день уже заканчивается. Идем мокрой аллее. Листья липнут к обуви, каштаны глухо ударяются об асфальт, раскрывая колючие зеленые шары. Гладкий коричневый глаз созревшего семени смотрит внимательно, будто спрашивает:

– Куда идете?

Спешим, Алек не взял зонтика, а жаться под мой не хочет. Рыцарь, черт побери. Но это и к лучшему. Что-то меня в последнее время клинит...

Да... вот на днях... сидели в очередной раз в моем кабинете после работы. Тихо, когда холодильник молчит, только лампа люминесцентная жужжит. Разговор совершенно не в тему, о происхождении жизни. Никогда бы не подумала, что Алек может интересоваться этим всерьез.

– А знаешь, легко представляю себе, как органические

соединения синтезируются где-то в межзвездном газе. Чего только там теперь не находят астрофизики. Реакции идут медленно, но время у Вселенной есть. И, может быть, жизни достаточно было родиться однажды, где-нибудь в какой-нибудь звездной системе, и потом разнестись по всей галактике. Бактерии удивительно устойчивы, микроскопические грибки тоже. Они живут в системах охлаждения ядерных реакторов, в подземных резервуарах для бензина, они потребляют нефть и медленно, но верно могут разложить любое химическое соединение, впрочем, как и синтезировать. Когда задается вопрос: – Есть ли жизнь на Марсе?

Я отвечаю: Конечно, мы ее туда завезли. Вряд ли кто-нибудь думал о том, чтобы стерилизовать автоматические спутники и марсианских роботов.

Жизнь вечна. Во всяком случае, нет никаких оснований думать, что она возможна только на Земле. Просто, вероятность встретить зеленых человечков слишком мала. Потому что слишком большие расстояния, слишком большие опасности должна преодолеть цивилизация, чтобы дозреть до возможности перемещаться в космосе. А может быть, став столь зрелой, она утрачивает пассионарность и замирает в созерцании? Или, срок жизни звезды недостаточен, чтобы она могла успеть дозреть до «космического чуда» видимого любому заинтересованному наблюдателю?

Я слушала и ничего не отвечала. Потому, что не в первый раз убеждалась, что во многом мы думаем одинаково. И по-

тому, что когда он говорит на абстрактные темы, а не бранит начальство или сокрушается о научных неудачах, он становится... как-то по-особому красив. Наверное, так красивы были древние, когда смотрели в небо, неведомым чутьем угадывали ход планет, и музыка небесных сфер становилась слышна им.

– Да... зафилософствовались мы с тобой, – вдруг прервал он разговор, вскочил со стола, на краю которого имел несуразную привычку сидеть, хотя кресел в кабинете достаточно, подошел ко мне и аккуратно взял мою кисть, переворачивая ее, чтобы посмотреть на часы. Сам он часов не носил. Черт знает что такое, но от этого вроде бы нейтрального жеста стало не по себе. Не люблю, когда ко мне прикасаются. Сестру не помню когда целовала. Как-то у нас в семье эти нежности не приняты.

Всякое-такое осталось далеко в туманной юности. Да и не так уж много чего было.

А маленькие телесные радости сама могу для себя. Подумаешь... Если сама меняю кран-буксы, перестилаю линолеум, готовлю обед и стираю, то почему бы и нет? Ах, для истинной женщины такая грязь чужда? Плевать. Женщины... Ну не получается у меня ни макияж, ни на каблуках ходить, и платья надеваю только в летнюю жару. И от сериалов тошнит, и от разговоров про диеты и экстрасенсов. Давно не ношу никаких побрякушек, хотя с молодости в шкафу их валяется много. Сестре надо бы отдать, да все забываю. Ко-

гда-то мечтала выйти замуж, иметь детей. Но никогда не хотелось сделать это только потому, что так надо, «стакан воды некому будет подать» – сразу вспоминается анекдот про мужика, прожившего всю жизнь со сварливой бабой, и не любимой. Помирает он, а пить-то и не хочется. Интересно, почему-то про женщин подобного анекдота нет. И по сей день, женщина, оставшаяся без мужа, считается неполноценной. Ну и фиг с ним. Что ж теперь, перевалив за сорок, считать, что жизнь не состоялась, если у меня дома на диване не валяется нечто в трениках?

4 декабря

Страшная трагедия в пермском клубе, не меньшие – в прошлые годы в интернатах и домах престарелых, Саяно-Шушенская ГЭС... и прочая и прочая и прочая. Кроме чистого ужаса, потому что это может случиться с каждым, еще несколько ощущений: массовое и чудовищное нарушение техники безопасности, некачественное и устарелое оборудование, и – человек сейчас опутан таким количеством предписаний, указаний, справок, отчетов, деклараций, инструкций, что все это выполнить просто невозможно. Найдите мне человека, который все это исполняет в точности, не нарушая ни в чем – и это будет или сумасшедший или святой. Из-за невозможности справиться со всем этим потоком мелких законов-закончиков, с бюрократической ката-

васией, возникает желание схалтурить, не выполнить, где-то что-то подделать, схимичить. А дальше все определяется здравым смыслом. Если схалтурил, отвечая на идиотскую анкету Миннауки о прогнозах развития науки до какого-то там года, то и ладно, а если недоглядел и под тягой сотрудники развели хламовник, и произошло возгорание – то это никак не годится. А ведь еще бывают ошибки, просто ошибки. А еще бывает страх. Перед начальством, перед бесконечными комиссиями, и он, страх, дурной советчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.